

Юрий Калешук

Я ПОНЯЛ, ЧТО ИСКАЛ ИМЕННО ЕЁ, ЕД-ва лишь увидел, – маленькая картина в самом углу зала: вечер в горном селе-нии и женщина на пороге дома. Крас-но-синие горы на дальнем плане повто-ряют очертания синих сельских крыш – или наоборот? Но горы остались, а этих домов больше нет. Почему мы привык-ли говорить, желая похвалить слово, что оно светится, а когда хвалим цвет, говорим, что он звучит? Он и вправду звучит, и я слышу песню, которую слы-шал не здесь – в кофейне разрушенно-го Ленинакана. Человек в стоптанных домашних тапочках и необмятом ват-нике на голое тело бродил между сто-ликами и пел почему-то по-русски:

Я одинок.

*Мои камни не хотят
говорить со мною...*

В кофейне нет электричества, а зна-чит, нет и кофе – но всё равно: столики заняты, за ними сидят небритые мужики и пьют прокисший персиковый сок из кофейных чашек. И молчат, потому что даже редкое их движение сопровождается тяжёлым остановившимся взгляд. Это остовы домов пустыми глазницами окон всматриваются в уцелевших. И пыль, пыль, пыль висит в воздухе – прах рух-нувших зданий, мусор торопливых но-востроек и души погибших.

Я одинок.

*Мои камни не хотят
говорить со мною, –*

поёт по-русски старый, а быть может, не очень старый армянин, и взгляд его так же пуст, как пусты глазницы окон.

А рядом – негромкий говорок, почти что шёпот:

– Первые три дня ночевали на вок-зале. Холодно, жёстко, ворочаюсь – не могу уснуть. И вдруг – как видение: на-до мною то одна фреска Минаса нависа-ет, то другая. И это не тот Минас, кото-рого все знают, не красно-синий, нет – на фресках он золотистый, тёплый.

Молоденький паренёк с рюкзачком у ног – из волонтеров, приехавших в Ленинакан после землетрясения. Он сказал про цвет – тёплый: кругом ужас, холод, смерть – и всё-таки рядом ока-зался Минас, и ты уже не одинок.

– А где сейчас картины Минаса? Те, что были в Ленинакане?

– Увезли. Их спасали.

– Куда?

– Не знаю. – Увидев моё замеша-тельство, паренёк поспешно добавил: – Большое собрание работ Минаса в Джа-джуре, в его доме. Это рядом с Ленина-каном.

Я читал об этом селе в статьях о Ми-насе. Я видел его в репродукциях кар-тин Минаса. Кажется, я представлял во-

Аираванг. – 2003. – мев. – с. 10–11.

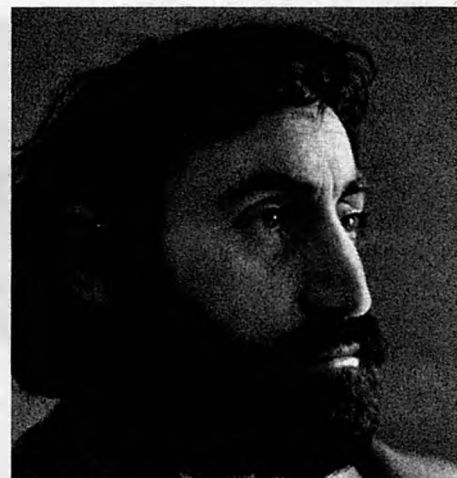
очию тесные улочки, приземистые до-ма, ограды из нетесаного камня: суро-вый уют родового гнезда.

Но теперь я не узнал его.

Приземистые дома стали ещё ниже, будто присели на корточки: тектониче-ская волна пронеслась и здесь. Дом-му-зей Минаса – стены отошли, потолок держится чудом. На пустых стенах – верёвочки, которые когда-то держали картины, и несколько уцелевших таб-личек: "Ткут ковёр", "Эскиз к балету "Га-янэ", "Этюд", "Жернова".

Увезли. Спасали.

И всё же эти странно белеющие над-писи на голых стенах вселяют надежду, которой нет в пометках под многими

Минас Аветисян.

Минас и

репродукциями из альбома художника: *"Сгорела при пожаре"*.

В мастерской Минаса в Ереване, где перед выставкой были собраны его лучшие работы, странным образом про-изошёл пожар: в прах обратился весь джаджурский цикл и самая трагическая работа художника – "Дорога. Воспоми-нания родителей". Затерян в горах Джаджур – что с того? Задолго до тек-тонической волны через село прока-тился вал геноцида – об этом воспоми-нания. Вечер, а скорее, печаль – сум-рачный колорит, тёмно-синие полосы кажутся полосами света, согбенные фи-гуры женщин, пытающихся спастись от унижения и ятагана. "Холст, масло. 125x150" – вот всё, что осталось.

В 1975 году ленинградское изда-тельство "Аврора" выпустило альбом художника. Во вступительной статье – обычные слова, но на этот раз точные: *"Всё, к чему прикасается его рука, на-делено особым дыханием земли, кото-рое характеризует произведения наи-более ярко выраженных национальных живописцев. За всем этим беспредель-ная любовь и преданность земле своих предков"*.

Минас Аветисян не успел увидеть свой альбом.

– МИНАС – ГЕНИЙ, ВЫ ЭТО ЗНАЕТЕ? – не столько спросил, сколько без тени сомнения произнёс Остап Шруб.

Этот разговор происходил уже не в Ереване и не в Ленинакане, а в далёкой от Армении Тюмени. С Остапом Шрубом меня свёл случай, а поскольку у случая было женское имя, то это, скорее, судь-ба. Стоило в обыденном разговоре про-изнести "Минас" – и рядом возникло,

как пароль-отзыв, – "Остап".

– Моя жена, она его никогда не ви-дела, полюбила по моим рассказам – но если бы дело было только в любви. В квартире шёл ремонт, и я снял со стен картины Минаса. И жена стала болеть. Ремонт длился долго, она всё время не-домогала. А когда картины вернулись на своё место – исцелилась! Это не ма-гия, не мистика, это микрокосмос, в ко-тором все взаимосвязано. Вы понимаете меня?

– Пожалуй, да. В этом объяснение того, почему во всех своих поездках по Армении я искал одну картину Минаса. Я не видел ни её, ни её репродукций, но представлял картину живо и ярко. И искал.

– Что за картина?

– Дом, женщина выходит из дома, что-то несёт в руках. Но что? Сон обры-вается.

– Это не сон. Это Минас, его постоян-ный мотив. Я всё время слышу его. У меня свой Минас. Ранний, неудержи-мый, вырывающийся – нас всех стара-лись держать в узде. Академия худо-жеств – это же Бастилия талантов. Туда приходят разные, а через 5–6 лет выхо-дят одинаковые, с одинаковыми мысля-ми, даже роста, кажется, одинакового. Но это не про Минаса! Он всегда был выше всех. Благодаря своей крестьян-ской первозданности, что ли, особен-ной гордости, особому чувству собст-венного достоинства. Я старше его, я прошёл войну, но перед ним иногда чувствовал себя подростком. Я защи-щал его перед ректоратом, но всё время понимал – это он защищает меня перед искусством. Он даже здесь продолжал меня спасать...

М. Аветисян. Память. 1972.